

С. К. Даронян

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДИССЕРТАЦИИ М. НАЛБАНДЯНА

В сентябре 1859 г. Микаэл Налбандян возвращается из-за границы в Москву, а спустя месяц уезжает в Петербург с намерением сдать экзамены и защитить кандидатскую диссертацию на восточном факультете университета. Конечно, понятие кандидатской диссертации в то время было иное, чем сейчас.

После успешной сдачи экзаменов в июне 1860 г. он представляет к защите диссертацию на тему: «Об изучении армянского языка в Европе и научном значении армянской литературы».

До последнего времени диссертация Налбандяна, написанная на русском языке и по объему меньше одного печатного листа, вызывала недоумение своим низким научным и методологическим уровнем. Так, в примечаниях к диссертации, впервые опубликованной в «Неизданных произведениях» Налбандяна, А. Г. Иоаннисян справедливо писал об «убогом содержании сочинения» Налбандяна, характеризующем «не столько его автора, сколько низкий научный уровень восточного факультета, те жалкие требования, которые предъявлялись в середине прошлого века к студентам, окончившим университетский курс в этом высоком храме царского востоковедения»¹. Позже Х. Саркисян в работе «Микаэл Налбандян и вопросы языка» говорил, что Налбандян в своей диссертации старался «придерживаться того, более чем невысокого уровня научных воззрений в области армяноведения, которые в те времена были господствующими, в частности в армяно-грузинском отделении восточного факультета Петербургского университета»². Сравнивая диссертацию Налбандяна с другими его работами, написанными до диссертации, одновременно или почти одновременно с ней, Саркисян приходит к убеждению, что положения в диссертации «не соответствуют не только революционному демократизму Налбандяна, но даже его прошлой просветительской деятельности». Приводя отдельные места из диссертационной работы Налбандяна, он спрашивает: «Можно ли серьезно говорить, что все это принадлежит Налбандяну?»—и восклицает: «Нет, это не язык Налбандяна!» После этого он делает вывод, что диссертация Налбандяна не отражает его взглядов на язык, почему не «может быть серьезным источником при их изучении».

Чем же исследователи объясняли все это (помимо общим уровнем «официального востоковедения»? Так, А. Иоаннисян отмечал, что для

¹ М. Налбандян, Неизданные произведения. Ереван—Москва, 1935.

² Х. Саркисян, Микаэл Налбандян и вопросы языка. Ереван, 1955.

подготовки к экзаменам и для написания диссертации Налбандян располагал всего лишь примерно 5-6 месяцами и что «большую часть этого времени он должен был уделить подготовке к устным экзаменам. Естественно, он имел очень мало времени, чтобы представить более или менее серьезную письменную работу».

Более развернутое объяснение этому дает Х. Саркисян. По его мнению, Налбандян «задался исключительно практической целью—во что бы то ни стало добиться кандидатской степени». Поэтому он «не возбуждал никаких спорных вопросов», противоречащих «официальной» науке. «Возможно, что Налбандян,—продолжает Саркисян,—всячески добивался кандидатской степени (ценою даже высказываний мыслей, противоположных его взглядам), исходя из интересов своей революционной деятельности, ибо таким путем, быть может, возможно было, хотя бы частично отвлечь от себя внимание полиции, тем более что, вероятно, именно на 60—61 годы падает разгар его подпольной работы в России».

То, что Налбандян добивался именно кандидатской степени, свидетельствует и его письмо к Г. Салтикяну от 18 ноября 1859 г.: «Думал, думал, другого выхода нет, решил сдать экзамены на кандидата, чтобы найти какое-либо место для работы и продолжить свое дело. С этой надеждой я выехал из Москвы и вот нахожусь в Петербургском университете... Знай, что я в мае обязательно буду кандидатом, чтобы там ни было: это не принесет мне вреда, наоборот, даст очень много преимуществ, о чем подробно поговорим после» (подчеркнуто мною—С. Д.).

Итак, Налбандяну нужна была кандидатская степень для осуществления своих практических задач. Но он, в условиях засилья в университете приверженцев идеалистического понимания вопросов армянского языка, литературы и истории, не мог выступать открыто. А поэтому из чисто тактических соображений Налбандян в диссертации, которой он не придавал особого научного значения, изложил «официальную» точку зрения по затронутым вопросам. Что все это действительно так, подтверждается весьма важными обстоятельствами, которые нам удалось установить.

Дело в том, что диссертация Налбандяна не является его самостоятельной работой: она написана с помощью К. А. Эзова (1835—1905)—магистра восточной словесности.

М. Налбандян в течение ряда лет поддерживал с Эзовым (К. Эзьяном) товарищеские отношения и переписку. Он упоминает его в письме к Г. Салтикяну от 16 марта 1859 г., в своей записной книжке (неподалеку от расписания экзаменов в Петербургском университете в 1860 г.). Он посылал ему письма—26 октября 1860 г. из Тифлиса и 4(16) марта 1861 г. из Лондона (эти письма не сохранились). В письме к брату из Петропавловской крепости от 14 февраля 1863 г. Налбандян говорил: «Попроси у Эзова Шлоссера («История восемнадцатого столетия...»—С. Д.), у него, кажется, было...». 19 апреля 1863 г. он сообщал брату: «Относительно свиданий, вот что я скажу: сказано в четверг, так и в четверг приедешь, если г. Эзьян желает меня видеть, то, вероятно, найдет воз-

возможность отложить свой визит к отцу архимандриту (я знаю, он, верно, в четверг к нему собирается...) и приехать ко мне. Я и так скучаю и считаю дни, когда увижу живого человека и хоть на миг услышу живой голос близких мне сердец, а он еще отлагает на день только по милости архимандрита—с его стороны это нехорошо».

Из дневника Налбандяна видно, что Эзов посетил узника Петропавловской крепости 25 апреля 1863 г.

Как востоковед, Г. Эзов придерживался как раз тех взглядов, которые соответствовали общему направлению армяноведения в Петербургском университете. Желая помочь своему товарищу, он, очевидно, и подсказал ему тему и направление его диссертации, тем более что сам выступал в печати с аналогичной работой.

Нами обнаружена неизвестная статья Г. Эзова, опубликованная в «Современнике» (1858, № 4, стр. 257—264), в разделе «Современное обозрение». Статья называется в содержании обозрения так: «Общие дела, занимающие Европу, о научном отношении Европы к Азии, об изучении армянского языка, литературы и истории в Европе». Название же диссертации Налбандяна: «Об изучении армянского языка в Европе и научном значении армянской литературы». Все основные положения статьи Эзова изложены Налбандяном в его диссертации. Для подтверждения приведем несколько примеров.

Г. Эзов, разделяя мхитаристскую «философию истории», считал Азию, куда относил он и Армению, тем местом, откуда пошла мировая цивилизация. Вот что по этому поводу он писал в упомянутой статье:

«...Европейское просвещение получило начало в Азии. Мы знаем из истории, что оттуда перешли в Грецию алфавит, числительные знаки, там зародились астрономия и земледелие, там возникли религиозные и философские учения, оттуда постоянно выходили мудрецы древнего мира, и Запад еще со времен Пифагора и Платона смотрит на Восток как на своего наставника. Поэтому для познания начала человечества и духа первобытного общества европейские ученые обратились к изучению судеб народов Востока и их цивилизации—матери нашей европейской цивилизации» (подчеркнуто мною—С. Д.).

То же самое повторяет Налбандян в своей диссертации:

«В Азии, колыбели рода человеческого, получило свое начало просвещение и уже оттуда перешло в другие страны. Греция признается, что из Азии она заимствовала алфавит, оттуда к нам перешли числительные знаки, там зародились астрономия и земледелие, там возникли религиозные и философские учения, оттуда постоянно выходили мудрецы древнего мира; и Запад со времен еще Пифагора и Платона смотрит на Восток как на своего наставника, а потому, как в XV столетии предавались изучению латинского и греческого языков, ныне для понимания судеб народов Востока и их цивилизации, матери нашей европейской цивилизации, изучаются языки восточные...» (подчеркнуто мною—С. Д.).

Однако такое преувеличение роли Азии (в том числе и Армении) в истории мировой цивилизации не было свойственно Налбандяну, о чем

свидетельствуют многие его высказывания в «Речи об армянской словесности», «Дневнике» и в других произведениях. Так, за пять лет до защиты диссертации Налбандян писал в «Речи...»: «Армянская письменность, чудесно вызванная к жизни греческим духом в век наших переводчиков (V в. н. э.—С. Д.), сохраняла признаки жизни до конца XIII века. Из письменных трудов этого периода дошли до нас библия и несколько исторических книг со многими недочетами как в отношении требований, предъявляемых историографией, так и в смысле хронологии: да не покажутся слова мои резкими, если скажу, что они—заплаты монашеских портных, зачатые монашеским духом и рожденные на свет также без содействия удачной акушерской помощи—передовой мысли,—думаю, что не ошибусь. Но это, быть может, простительно монахам, поскольку историография не их поприще, а мужей светских и политических, какими были историки Греции и Рима и новые—европейские». Почти одновременно с диссертацией Налбандян говорил в «Дневнике», что «до сих пор наш народ не имеет... труда по истории, который бы выдержал испытание огнем европейской критики», что «многие страницы» армянской истории «чисты, если смотреть на эту историю через европейские очки». Высказывания Налбандяна не выглядят самоуничижением, а являются объективным анализом явлений прошлого.

Говоря о том интересе, который проявляли в Европе к армянской культуре, Эзов писал: «Изучение языка, литературы и истории древней Армении началось в Европе с XVII столетия. Тогда многие ученые и преимущественно миссионеры, бывшие на Востоке, в совершенстве владели армянским языком и оставили многие весьма замечательные по этому предмету сочинения» (подчеркнуто мною—С. Д.).

Налбандян и это полностью принимает в диссертации: «...Еще с XVII столетия в Европе начали изучать Армению и многие, в особенности миссионеры, бывшие на Востоке, в совершенстве владели армянским языком и оставили нам много весьма уважаемых сочинений» (подчеркнуто мною—С. Д.). Подобное высказывание в устах Налбандяна звучит иронически, если сравнить с тем, что он писал в 1864 г. в статье «Одно замечание» о миссионерах, указывая на их «зловредную деятельность по отношению к нашему несчастному народу» в Турции.

Налбандян, как и Эзов, перечисляет в диссертации многих европейских ученых, занимавшихся изучением Армении, без всякой попытки глубокого анализа их деятельности, что, конечно, не вяжется с методикой и практикой его собственных работ. «Из европейских ученых, посвятивших свои труды изучению Армении,—писал Эзов,—особенно замечательны: французские ученые—Шульц, С. Мартен, Катрмер, Евгений Боре, Дюлорье, Феликс Нев, Феликс Лажар, Виктор Ланглуа; немецкие—Шредер, Нуманн, Петерманн; английские—братья Вильгельм и Георг Вистоны и поэт Лорд Байрон, и итальянские Паоло Пиромали, аббат Каппенети и др.». Налбандян также считает их «особенно замечательными».

Когда Эзов называет к примеру Ж. П. Дюлорье (1807—1881) «осо-

бенно замечательным» из европейских ученых-арменистов, это понятно, т. к. он некритически подходил к нему. Но странно читать в диссертации Налбандяна об этом французском ориенталисте как «авторе весьма любопытных статей». Странно потому, что примерно за год до диссертации Налбандян в романе «Вопрошение мертвых» писал нечто противоположное: «...Древний мертвый язык, «грабар»—не дворянский, как и живой народный—не простолюдинский, как это утверждают некоторые верхоглядствующие люди-путаники (подчеркнуто мною—С. Д.), в том числе и француз г-н Дюлорье, называющий наш народный язык и вообще живую армянскую речь жаргоном». Эти слова были опубликованы в журнале «Юсисапайл» («Северное сияние») в 1859 г. Любопытно, что экзаменаторы восточного факультета Петербургского университета не заметили «противоречия» в высказываниях диссертанта.

Небсыз интересно отметить и другое. Налбандян в диссертации среди арменистов Западной Европы не упоминает архимандрита Г. Айвазовского, хотя Эзов в своей статье посвятил его «научной» деятельности в Париже (до 1857 г.) несколько довольно-таки восторженных страниц. Налбандян на этот раз решил не трогать своего идейного противника, а говорить о нем в духе Эзова он тоже не мог.

7 июня 1860 г. Налбандяну был вручен диплом кандидата наук. Конечно, Микаэл Налбандян вполне заслуживал ученой степени, но не этой «диссертацией», а своими подлинно научными трудами, которые он публично защищал от нападков схоластов, догматиков и мракобесов.